

— Баи, ты где пропадал?

Ван Эрмао, который уже давно вернулся в отделение, весело улыбнулся при виде сияющего Чжао Баи. Тот подошёл ближе, критически осмотрел его физиономию и удовлетворённо хмыкнул:

— Ну вот, припухлость спала. Уже не так страшно выглядит.

Он по-дружески взъерошил его жесткие, похожие на ежиные иглы волосы и со смехом пожаловался:

— С самого утра во рту маковой росинки не было, вместо завтрака — сплошной махач! Живот аж сводит. Пошёл было раздобыть чего-нибудь съестного, да наткнулся случайно на... — Чжао Баи воровато огляделся по сторонам и, подавшись вперёд, заговорщицки зашептал Эрмао прямо в ухо: — ...нашего грозного командира отделения.

Эрмао тут же решил, что Ван Ан снова докопался до Баи, и испуганно вскрикнул:

— Да ладно?! И что он...

Чжао Баи мгновенно зажал ему рот ладонью. Тот замычал, пытаясь вырваться, но Баи шикнул на него:

— Не ори! Об этом — ни одной живой душе!

Очередная недомолвка заставила парней в кубрике вспомнить утреннюю потасовку и угрозу командира устроить дотошное расследование. Первым, как и следовало ожидать, не выдержал главный сплетник отделения — Сунь Дунлинь.

— Слышь, братишка, — заговорил он со своим неподражаемым пекинским пробором в голосе. — Поделись с народом, чего там стряслось? Какую такую тайну века ты разнюхал?

Дунлинь был коренным пекинцем, говорил бойко, складно, а за время службы в отделении наловчился мешать чистый путунхуа со столичным жаргоном, из-за чего его речь вечно петляла, как старый переулочек. Юркий, с хитрой крысиной мордочкой — вылитый репортёр дешёвой жёлтой прессы. Выдай ему гражданскую шмотку и фотоаппарат, и получился бы каноничный папарацци. Жажда сенсаций гнала его вперёд вернее любого приказа о наступлении.

Чжао Баи заговорщицки прищурился, весело отмахнувшись:

— Да брось ты, ерунда... Ай, ладно, забудь, ничего особенного.

Такая показная таинственность лишь подлила масла в огонь. Дунлинь, у которого от любопытства уже зудело во всех местах, прыгнул со второго яруса кровати и подошёл вплотную к Эрмао.

— Ну колись давай, хорош комедию ломать!

В душе Баи лишь горько усмехнулся. Ещё вчера эти чистоплюи на них и смотреть не хотели, а сегодня лезут обниматься, будто сто лет лучшие кореша. Вот уж точно — людское лицемерие границ не знает. Скрывая мысли за глуповатой ухмылкой, он лениво отмахнулся:

— Да правда, ничего такого. Просто шёл мимо плаца, гляжу — остальные отделения в мыле бегают, пашут как проклятые. А мы тут прохлаждаемся. Прямо не знаю, стоит ли благодарить за это утренний мордобой.

— Пфе-е, — разочарованно протянул Дунлинь, кривя губы. — Я-то думал, сенсация какая, а ты про эту чепуху. Скуотища.

Бурча под нос, он вскарабкался обратно на свой ярус. Чжао Баи проводил его взглядом, как вдруг дверь скрипнула и в кубрик вошли двое: У Юн с аккуратным медицинским пластырем на щеке и сопровождавший его помощник командира отделения Юань Бинхуа.

Баи весело помахал рукой заму:

— Здорово, товарищ замком! Что-то вы припозднились.

— Это называется чувством долга, умник, — добродушно огрызнулся Бинхуа, шагая к койке Баи. — Не то что некоторые: бросил раненого товарища на полпути и был таков.

Стоило ему это произнести, как сидевший наверху Дунлинь, который уже успел завести с соседом разговор на другую тему, мгновенно наострил уши.

— Ага! — так и подпрыгнул он на матрасе. — Попался, шустрик! Врал, значит! Какое ещё тёмное дельце ты за нашей спиной провернул, признавайся?

Время сейчас было щекотливое, любая искра могла раздуть пожар подозрений. Почувствовав, как всё отделение разом уставилось на него, Чжао Баи испуганно замахал руками, разыгрывая искреннее замешательство:

— Да бог с тобой, какое дельце! Я просто мимо тренировочного поля шёл, ну и притормозил на пару минут — поглазеть, как другие вкалывают, да тихонько позлорадствовать над бедолагами.

Бинхуа, сообразив, к чему клонится разговор, тут же пришёл на выручку:

— Ну ещё бы, чужое горе — всегда радость. То-то я из окна лазарета видел, как ты там стоял и лыбился во всю ширь.

Поняв, что замком подыгрывает ему, Баи сконфуженно поскрёб затылок и заулыбался:

— Хе-хе, значит, спалился...

— Будто твои детские ужимки так трудно разгадать. Ведёшь себя как малолетка, честное слово, — фыркнул Бинхуа.

Пока они разыгрывали этот бесхитростный спектакль, Дунлинь философски, точно заправский поэт, покачал головой и протянул:

— Эх, до чего же скучная штука — жизнь. А армейская — так вообще тоска смертная. Из-за какого-то паршивого станка такую бучу подняли! На гражданке эти бритвы прут пачками, и хоть бы кто почесался. Уж если и идти на дело, так кошелек из чужого кармана дёргать — там хоть азарт есть. Ну скажите, мужики, я не прав?

Кубрик дружно отозвался весёлым гоготом:

— Точняк! И не говори!

Дунлинь хоть и славился как редкий пустомеля, но пареньком был незлобивым, да и язык у него был подвешен как надо — любого вокруг пальца обведёт, хромого ходить заставит, слепого прозреть убедит. Тоже, прямо скажем, талант.

У нашего товарища Чжао Баи такой роскоши, увы, не водилось. Из друзей — всего двое верных корешей, с которыми можно говорить без утайки. А разводить пустые китайские церемонии да городить словесные лабиринты он попросту не умел.

<http://bllate.org/book/18247/1760966>